

В. В. ЗЕНЬКОВИЧ – АДРЕСАТ ПИСЕМ М. М. ЗОЩЕНКО

*(Вступительная статья Б. Н. Сегаль,
подготовка текста и комментариев Т. С. Царьковой)*

Аннотация: В публикации представлена личность художницы Веры Владимировны Зенькович, близкого друга писателя М. М. Зощенко в последние годы его жизни. 18 писем, написанных только в дни отсутствия корреспондентов в Ленинграде, передают атмосферу тяжелейшего нервного состояния писателя, измученного болезнью – следствием литературной травли; но не прекращающего работу в самых разных прозаических, переводческих и драматургических жанрах.

Ключевые слова: М. М. Зощенко, В. В. Зенькович, биография, дружеские отношения, идеологическая и творческая атмосфера 1950-х гг.

Abstract: The publication presents the figure of an artist Vera Vladimirovna Zen'kovich, a close friend of the writer M. M. Zoschenko in his later years. The 18 letters written only when the correspondents were absent from Leningrad convey the grave nervous condition suffered by the writer who was tormented by disease caused by literary persecution, though did not stop working in a variety of prose, translation and drama genres.

Key words: M. M. Zoschenko, V. V. Zen'kovich, biography, friendly relations, ideological and creative atmosphere of the 1950s

Вся жизнь талантливого художника Веры Владимировны Зенькович была связана с книгой. Избрав своей специальностью искусство книжной графики, она стала профессионалом высокого класса и заняла место в ряду ведущих ленинградских мастеров. Не один десяток изданий – классическая и современная литература, альбомы, сочинения по искусству – обязаны ей своим обликом. Лучшие из ее работ стали признанными образцами нашей оформительской графики.

Но определение Веры Зенькович только как художника книги не исчерпывающе. Ее интересы и творческие возможности были гораздо шире. Всю жизнь она занималась и станковой графикой. Она создала серии натюрмортов, портретов, пейзажей, попутно решая задачи обновления изобразительных средств. О высоком уровне ее книжных и станковых работ говорит то, что большая их часть находится в Русском музее, в крупных музеях страны, в зарубежных галереях и частных коллекциях.

Вера Владимировна Зенькович родилась в Санкт-Петербурге в 1906 г. в семье польского инженера. Детство ее прошло на Украине, а перед Первой мировой войной семья вернулась в родной город, где и встретила революцию.

Важным моментом жизни Веры Зенькович было ее пребывание во Владивостоке, куда она пошла вместе с мамой, учительницей, сопровождавшей поезд с несколькими сотнями детей из голодного Петрограда. Американская гуманитарная организация «АРА» в 1920-е гг. оказывала помощь и поддержку русским сиротам и беспризорникам. Из Владивостока пароходом детей

доставили в Сан-Франциско, где они благополучно прожили два года. За это время Вера Зенькович во Владивостоке с блеском окончила гимназию и даже побывала с одноклассниками в Японии.

Впоследствии она часто вспоминала эту поездку. Несомненно, что впечатления от незабываемых пейзажей Японии и удивительного искусства этой страны отразились в ее собственном творчестве, в характере ее ранних натюрмортов, в изяществе книжно-оформительских работ. Вернувшись в Петроград, Вера Зенькович поступила во ВХУТЕИН (Академия художеств) на полиграфический факультет.

В это время там преподавали такие корифеи книжной графики, как Д. Митрохин, В. Конашевич, К. Петров-Водкин – замечательные художники, знатоки искусства и увлеченные талантливые педагоги. Держались они просто, как старшие товарищи, показывали свои работы, делились опытом. С В. Конашевичем и К. Петровым-Водкиным у Веры Зенькович сохранились особенно дружеские отношения на долгие годы. Но более всего повлиял на творческое становление молодой художницы недавний выпускник того же факультета Валериан Двораковский, друг, наставник, главный советчик. Редкостно одаренный художник книги, он разрабатывал собственную концепцию книжно-графического искусства. Двораковский был непревзойденным мастером рисованного шрифта, который он интересно увязывал со свободным рисунком. Он славился особым неповторимым характером своего творчества. Его роль в формировании В. Зенькович как оригинального художника книги очень значительна. После окончания института в 1930 г., как и другие молодые художники, В. Зенькович пришла в детскую редакцию Гослитиздата, которую возглавляли С. Маршак и В. Лебедев. Здесь она попала в удивительную среду очень разных и талантливых художников и писателей, объединенных общим направлением в работе над детской книгой. Вместе с Лебедевым сотрудничали представители старшего поколения: В. Ермолаева, Н. Тырса, В. Конашевич, к которым примкнула когорта молодых художников. В свое время им довелось поучиться у К. Малевича, П. Филонова, К. Петрова-Водкина, и, естественно, им хотелось попробовать в книге свои новаторские идеи, почерпнутые из творческого опыта авангарда. Сама атмосфера поиска способствовала тому, что под руководством Лебедева молодые художники развивались как самостоятельные мастера, не похожие друг на друга. В. Лебедев помогал каждому найти свой путь, и не без его участия раскрылись таланты Е. Чарушина, Ю. Васнецова, А. Пахомова, В. Курдова.

Вера Зенькович органично вписалась в этот круг. Она была профессионально подготовлена, обладала широким кругозором и хорошо разбиралась в современном искусстве. Уже в первых заказных работах она показала тонкое понимание стилистики литературного произведения, мастерство и отменный вкус в исполнении всех элементов книги.

Молодых художников объединяли общие интересы и увлечения: совместное рисование, поездки на этюды, любовь к теннису, охоте, цирку.

В цене был талант рассказчика, остроумие, импровизация, шутка. Интерес к искусству привел их в Институт истории искусств, где на лекциях и диспутах блистали Н. Пунин, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и Б. Эйхенбаум. Лекции

производили исключительное впечатление, и для молодых художников открывались новые интересные миры.

Эти годы были очень плодотворными для ленинградских писателей, которые сотрудничали с С. Маршаком. В Детгизе печатались Б. Житков, В. Бианки, Д. Хармс, А. Введенский, М. Зощенко, Е. Шварц и другие талантливые авторы. Многие уже были знамениты и популярны. М. Зощенко был на пике своей славы. Появилась новая литература для детей – увлекательная, умная, веселая. Художники украшали текст своими превосходными иллюстрациями. Здесь сложилась активная творческая среда. Писатели и художники были близки по культуре, эстетике, профессиональному пониманию. Они дополняли друг друга и вместе создавали детскую книгу, отвечавшую самым высоким критериям и удивившую Европу и Америку.

Вера Зенькович в этот период, активно работавшая в издательстве, сблизилась и подружилась со многими писателями, особенно с Е. Шварцем, В. Бианки, М. Зощенко, Н. Олейниковым.

Войну Вера Владимировна пережила в блокадном Ленинграде. Она мужественно переносила артобстрелы, холод, бомбежки и много работала, рисуя суровые пейзажи разрушенного города, агитационные панно и плакаты. Чтобы спасти умирающего мужа В. Двораковского повышенным пайком, она стала донором. В это же время Вера Зенькович создавала удивительный альбом, заполненный портретами жителей блокадного города, стариков, детей, женщин. Вглядываясь и запоминая, с необыкновенной точностью и проникновенностью она переносила в холодной мастерской эти лица на бумагу. Сейчас этот альбом находится в Русском музее, являясь документальным свидетельством огромной художественной силы.

После окончания войны Вера Зенькович возвращается к книге. Она много и успешно работает по заказу разных ленинградских издательств и становится одним из ведущих художников-оформителей книги. Список ее работ впечатляет: Гоголь и Толстой, Данте, Шекспир, Рабле, Свифт, Лопе де Вега, Голсуорси и многие другие авторы русской и зарубежной классики.

Ее репутация мастера была такова, что Вере Владимировне доверялось лучшее из того, что было в портфелях издательств. Многие годы она работала для Детгиза над детской и юношеской литературой, с увлечением придумывала оформление сказок, которых ей довелось делать множество: испанские, португальские, норвежские, туркменские, киргизские и других народов.

Все элементы книги – переплеты, иллюстрации, титулы, заставки-буквицы – решались остроумно и изобретательно. Особенную роль Вера Владимировна отводила шрифту, тонко понимая специфику этого интересного вида искусства. Шрифт мог влиять на характер, атмосферу, стиль книги. За видимой легкостью и простотой ее рисованных шрифтов стоит большой труд, скрытый от зрителя. Надписи – вплоть до мельчайших по размеру – писались от руки, причем только кистью. Не каждый представляет, какая точность глаза и железная твердость руки необходимы для столь виртуозной работы.

Вера Владимировна Зенькович была широко образованным человеком, знатоком искусства, архитектуры, костюма, стилей разных эпох. Ранее

Возрождение у Данте, Англия времен Шекспира – все в ее рисунках звучит убедительно и свежо. Но каждый раз она тщательно изучала исторический материал. Делая маленькие заставки пером к роману «Петр Первый», она внимательно знакомилась с прижизненными портретами Петра, рисовала его маску, растреллиевский бюст – все ради того, чтобы, по ее словам, «глубже осмыслить образ Петра, характер его времени», при том, что на рисунках фигура Петра была не более двух сантиметров роста. Прямолинейного использования исторических материалов она избегала, обращалась с ними свободно, переосмысливая и трактуя по-своему.

Если книжно-оформительское искусство Веры Зенькович хорошо знакомо любителям книги, то гораздо менее известна была ее станковая графика, которой увлеченно и серьезно она занималась всю жизнь. С довоенных времен сохранилась ее масляная живопись: пейзажи, портреты, натюрморты, исполненные в традициях 30–40-х гг., под влиянием Веры Михайловны Ермолаевой, сподвижницы К. Малевича. Это была импрессионистическая живопись, очень красивая по цвету.

С 50-х гг. Вера Зенькович перешла целиком на графику, исполненную на бумаге. Листы, показанные на персональной выставке 1977 г., восхитили своими интересными находками.

Вера Зенькович-станковист прекрасно владела углем и карандашом, гуашью и пастелью, и даже фломастер в ее руках становился достойным инструментом серьезного рисования.

Всю жизнь Вера Владимировна любила и пристально изучала французскую живопись XX в., особенно увлекаясь творчеством Пикассо, Брака, Матисса. Но сама она была убежденным художником-реалистом, больше всего ей было интересно то, что ее окружало: люди, природа, простые вещи, наполняющие ее быт. Есть художники, обладающие редким даром превращать повседневную жизнь в поэзию, выраженную средствами живописи и пластической формы. Таким художником была Вера Зенькович – превосходный рисовальщик, тонкий колорист, мастер остроумных выразительных композиций. Ее удивительные натюрморты, портреты (особенно женские), интересные пейзажи и интерьеры восхищают своим мастерским исполнением. Порой кажется удивительным, как может совмещаться филигранная тонкость и тщательность, свойственная ее книжной графике, с лихостью, свободой, неожиданными смелыми обобщениями в ее натурном рисовании.

Художник Татьяна Владимировна Шишмарева вспоминает: у Веры «и в работе, и в жизни доминировали быстрота и решительность. Руководил всем удивительно ясный разум <...> Интересно было смотреть, как она работает, думает, смотрит. Раз найдя решение, она шла прямо к цели. <...> Эскиз был точен, воплощение – дело профессионального умения, наработанного мастерства».¹ Ясность, свежесть, артистизм Веры Зенькович привлекали даже неискушенного зрителя.

Каждый значительный художник создает в жизни и творчестве свой мир, свою реальность, свой круг образов и людей. Мир Веры Владимировны Зень-

¹ *Шишмарева Т. В.* Из воспоминаний о былом (Вера Зенькович) // Творчество. 1988. № 3. С. 14.

кович был разнообразен и интересен. Она была человеком неравнодушным к происходящему вокруг, и прежде всего в искусстве.

Содружество художников, начавшееся еще во времена Детгиза, продолжалось долгие годы. Алексей Пахомов, Татьяна Шишмарева, Юрий Васнецов, Василий Власов и другие уже пожилые заслуженные мастера оставались по-прежнему ближайшими друзьями Веры Зенькович.

Было понимание, что художник не может существовать и развиваться вне среды. Им необходимы были встречи, общение, показ работ друг другу, даже строгая профессиональная критика. Художники, пережив сложные и трудные времена, не утратили способности веселиться, дурачиться и искренне радоваться удачам друг друга. В эти годы (1950–1970-е) Союз художников был для них родным домом: постоянные выставки, интересные обсуждения, драматические заседания составляли часть их творческой жизни.

Взаимный интерес и творческие связи существовали с московскими художниками. С довоенных времен Вера Зенькович хорошо знала и любила Виталия Горяева, Константина Рождественского и Татьяну Маврину – прославленных мастеров. Бывая в Ленинграде, они обязательно наведывались к ней в гости. Просторная мастерская на Каменноостровском проспекте, в доме 26/28 с видом на Петропавловскую крепость, была в некотором роде отражением личности самой художницы. Во всем читалась культура, благородство, хороший вкус. На стенах несколько первоклассных работ самой Веры Зенькович, в большом книжном шкафу – раритеты – прижизненные издания Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Гончарова, много поэзии и, конечно, прекрасные книги по искусству. Вся жизнь Вера Зенькович была любителем хорошей литературы, много читала, окружающих удивляла своей замечательной памятью на стихи, знала их десятки. Она свободно владела английским и французским языками, в подлинниках читала современную зарубежную литературу. У приезжающих с гастролей музыкантов она доставала запрещенные в те времена книги М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Набокова, А. Солженицына и, прочитав, бесстрашно передавала их друзьям.

Очень много для Веры Зенькович значила музыка. Будучи меломаном, она часть жизни провела на концертах в Филармонии и Капелле.

Талантливый и своеобразный человек, Вера Владимировна притягивала к себе самых разных людей, которые быстро и надолго становились ее друзьями.

Она была остроумна и насмешлива и в то же время очень сердечна и доброжелательна. В ее доме собирались самые удивительные и интересные компании. В какой-нибудь вечер у нее за столом могли оказаться: литературовед с именем, известная актриса, ученый-физик из Ташкента и знаменитый футболист.

Вера Зенькович любила людей талантливых, увлеченных своей профессией, хороших рассказчиков и остроловов. Таким был ее старинный и верный друг, драматург Евгений Шварц, чьи пьесы с огромным успехом шли в театре Н. Акимова, такими были ее близкие приятельницы – актрисы этого театра Елена Юнгер, Нина Зарубина и, особенно, Елизавета Уварова, о которой впоследствии режиссер П. Фоменко сказал: «Она была из самых умных, и ум ей не мешал». В мастерской Веры Владимировны любили бывать Борис Чирков, звезда советского кино, и режиссер Леонид Трауберг.

Долгие годы В. Зенькович дружила с талантливыми писателями М. Слонимским, В. Каверинным, Ю. Германом. Дом № 9 на канале Грибоедова был местом, где она бывала постоянно.

Особая страница в жизни Вера Зенькович связана с писателем Михаилом Михайловичем Зошенко, который был ей хорошо знаком еще в 1930-е гг., со времени ее работы в Гослитиздате. Они могли встречаться в редакции и у общих друзей-«серапионов», на канале Грибоедова.

Зошенко был на подъеме, в апогее своей славы.

Вера Зенькович прекрасно знала его книги и восхищалась ими, отчетливо понимая неповторимость и оригинальность этого таланта. Она не пропускала концертов В. Яхонтова и выступлений самого М. Зошенко с чтением своих рассказов. По воспоминаниям современников, читал он великолепно.

Зошенко был писателем особенным, не похожим на маститых, процветающих литераторов. Внешне изящный, сдержанный, даже замкнутый, он смотрел на мир вдумчиво, серьезно, с легкой иронией. После войны все в жизни М. Зошенко стало меняться катастрофическим образом. После известного постановления ему пришлось пережить публичное поношение, травлю, разгул критики, предательство знакомых, бедность, болезнь. В это время для М. Зошенко особенно дороги дружеское участие и общение с близкими ему по духу людьми, среди которых была и Вера Владимировна Зенькович. В ее мастерской, подавленный и измученный, он становился другим, физическая слабость и жизненные невзгоды уходили на второй план. М. Зошенко интересовался новыми книгами, расспрашивал о жизни общих знакомых, сетовал на свое душевное состояние, рассказывал о своих литературных делах. Вера Владимировна всегда была интересным и увлекательным собеседником. Умный и тактичный человек, она умела слушать и слышать. В разговорах они обнаруживали много общего между собой, схожие вкусы и пристрастия.

Оба очень любили поэзию, особенно Пушкина и допушкинского времени, любили обэриутов, и больше других – Н. Заболоцкого, его натурфилософские стихи. Все, что касалось науки и ученых, интересовало обоих. Они восхищались музыкой Д. Шостаковича, которого знали лично и почитали как гения.

М. Зошенко страстно любил Шопена, и Веру Владимировну увлекали романтики.

Сын художника, он был неравнодушен к искусству, любил старых мастеров, особенно голландцев, интересовался и современным искусством. Близкими друзьями М. Зошенко стали талантливые ленинградские художники, замечательные иллюстраторы Н. Радлов и М. Малаховский. Он понимал и ценил творчество Веры Зенькович, особенно ее книжные работы.

Начиная с 1953 г. они часто виделись. М. Зошенко, приезжая из Сестрорецка в Ленинград, обязательно заходил к ней в мастерскую. Ему хотелось отвлечься, узнать новости, поговорить о чем-нибудь интересном. Иногда он жаловался на меланхолию, упадок жизненных сил, на больное сердце. Вера Владимировна сочувствовала и поддерживала его и, зная о его проблемах с едой, старалась приготовить какое-нибудь вкусное угощение. И это при том, что в жизни Веры Зенькович были собственные печальные обстоятель-

ства, которые она держала глубоко в себе (долгие годы тяжело болел ее муж, художник Двораковский).

Вера Зенькович, человек большой души, оставалась верным другом Михаила Зошенко до конца его дней.

Б. Н. Сегаль

В 2013–2014 гг. художник-график Белла Ниссоновна Сегаль передала в фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома письма М. М. Зошенко Вере Владимировне Зенькович, которые она спасла от уничтожения после смерти своей старшей подруги. Несомненно, этот небольшой по объему эпистолярный внесет новые биографические черты в летопись последнего периода жизни писателя. Особенность этой переписки состояла в том, что корреспондентами Михаил Михайлович и Вера Владимировна становились только на время отъезда из Ленинграда одного из них. В остальное время как близкие, любящие люди они часто встречались, у них сложился общий дружеский круг. Письма Зошенко добры, заботливы и в то же время эмоционально сдержанны. Они вошли в личный фонд писателя (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 3, № 419). Публикуются с воспроизведением авторской пунктуации и орфографии, необходимые привнесения в текст заключены в угловые скобки. От двенадцати писем остались конверты, надписи с которых приводятся.

Письма В. В. Зенькович М. М. Зошенко скорее всего не сохранились. Упоминания о трех из них находим в рукописи воспоминаний Веры Владимировны Зошенко «О болезни и литературной работе <М. М. Зошенко>» (Там же, оп. 2, № 93, л. 191, 193).²

Т. С. Царькова

² «...письмо совсем меня удивило и насмешило еще больше. Было оно тоже от женщины, причем она писала: – “Я очень сентиментально поцеловала твою подпись на письме” <...> Позднее я выяснила, что это действительно была она, моя тетка, Вера Владимировна З.» (л. 191). «2 письма, кот<орые> попали позднее в мои руки, говорили за то, что в его жизнь в это время вошла совсем другая женщина. Письма эти были ее ответом на его осеннее письмо, в котором он сообщал ей о своей простуде (в конце сентября 55 г.). И была эта женщина та самая Вера З., письмо от которой в Сочи я уже знала. Письма эти были тоже достаточно сентиментальны. Так, она, например, писала: – “Мишенька, я нам на счастье собираю «куриных богов». Это камни с дырками, кот<орые> могут носиться в качестве ожерелья. Говорят, счастье обеспечено”... Второе ее письмо заканчивалось так: – “Дорогой, очень хочу, чтоб ты был кругленький к моему приезду”... Впоследствии, во время болезни Михаила в 57–58 году, она часто звонила ему по телефону, и я сама предложила Михаилу попросить ее навестить его. Была она немолодая, неинтересная, сентиментальная женщина. Она, очевидно, серьезно любила Михаила, заботилась о нем, и, кажется, даже материально ему помогала. В последние годы она неоднократно навещала его. Держала она себя всегда тактично и вежливо, свои отношения к Михаилу не афишировала, так что о них со стороны я ничего не слышала, а потому против нее я никогда ничего не имела, на ее телефонные звонки отвечала всегда любезно, любезно же и встречала ее у себя. Были ли у него какие-то близкие, “интимные” отношения с ней – сказать не могу, очевидно, вначале, в феврале 54 года и было что-то. Но любви к ней, к этой пожилой, некрасивой, сентиментальной женщине, с его стороны, конечно, быть не могло. Но ему нужен был “друг”, нужна была забота, внимание, и как друга, конечно, он очень ценил ее (л. 193)».

1

<17 авг. 1953 г. Ленинград>¹

Дорогая Вера Владимировна!

Ваше милое письмо получил. Порадовался, что Вы довольны природой и возможностью поработать.

Извещаю Вас, что мой отдых все еще не налаживается. Приходится работать, чтобы выйти из бедности. Но дела в общем счете налаживаются и впереди светло. Если со здоровьем не приключится каких-либо неожиданностей.

Особых событий не было за эту неделю. Разве что одно – 14 августа была годовщина историч<еского> постановления.² Так можете себе представить – в этот день (впервые за 7 лет) не было ни слова в центр<альной> печати. Никакого напоминания даже. Как будто этого постановления и не было. Даже Литгазета не обмолвилась об этом.

Конечно, это большое событие. И для меня очень чувствительное. Стало быть<,> и в самом деле закончилась моя уголовная страница.

Это повеселило меня. И я, так сказать, почувствовал прилив творческих сил. Не очень, впрочем.

Все же работаю усиленно. И отдыхать буду между делом.

Когда Вас ожидать в Ленинграде? В начале сентября? Или позже?

Когда прояснится этот вопрос, Вы мне сообщите. Возможно, что я пробуду в Сестрорецке неделю (безвыездно).

Письмецо мое несомненно холодноватое и Вас, видимо, не удовлетворит, но чувства к Вам у меня самые добрые.

Приветствую Вас и пожелаю полнейшего душевного спокойствия.

Ваш Михаил

17 / VIII 53

¹ Адрес на конверте: Лужский район, Городецкий сельсовет, деревня Пустой Брод. Евдокии Григорьевне Федотовой (передать Вере Владимировне Зенькович). Адреса отправителя нет. Позднейшая приписка на письме: «22 июля 1958 г. умер Мих. Мих. Зошенко».

² Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и «Ленинград»» (август 1946 г.).

2

<7 февр. 1954 г. Москва>

Верочка, простите, что я так долго ничего не сообщал Вам о себе.

Я приехал в Москву совсем больной, с ужасными нервами и очень растерзанный всякими домашними делами. И только сейчас, спустя неделю, я несколько пришел в приличное состояние.

Много лежал, старался ни о чем не думать. И к великому моему счастью<,> мне пошла на пользу эта бездумная неделя. Я стал неплохо спать и ем с аппетитом, не чувствуя той прежней ужасной тошноты, которая так мучила меня.

Вероятно, было бы совсем хорошо, если бы я находился в санатории. Но тут, в Москве, дела все же теребили меня. Ничего исключительного тут

не произошло<,> и никаких особо высоких заработков не получил, но в общем счете дела мои сложились неплохо, и это тоже принесло некоторое успокоение.

И, вообще говоря, можно было бы и не ездить в Москву, а сидеть дома.

Перемена все же принесла мне пользу. Числа до 17–18 я пробуду в гостинице «Москва» (№ 844), а затем дней на 10 я уеду к сестре на дачу. И к концу февраля вернусь в наш благословенный город.

Еще раз прошу у Вас извинения, что не писал Вам до сих пор – это было, так сказать, вынужденное молчание, нужное мне в лечебных целях.

Будьте здоровы, Верочка. И не браните меня. Целую Вас.

Ваш Мих. Зощенко

7 февр. 54

3

<17 февр. 1954 г. Москва>

Верочка, ничего особенного не произошло в моей жизни за эти три недели. Даже можно было бы не ездить в Москву. Но некоторое оздоровление все же произошло. И то хорошо.

Многих старых друзей повидал, утомился. И теперь с охотой вернусь домой.

Завтра-послезавтра поеду на дачу к сестре. И через неделю (24–26) буду в Ленинграде.

Ваше холодное письмецо прочел не без грусти. Казалось, что в ваших строчках услышу теплоту. Но, увы, этого не оказалось. До скорого свидания в Ленинграде.

Ваш Мих. Зощенко

17 / II 54

4

<22 мая 1954, Сестрорецк>

Верочка, вот уже 10 дней, как я в Сестрорецке. На один день я, правда, приезжал в Ленинград (по делам). Звонил вам (в 7 ч.), но не застал.

Отдыхаю не слишком хорошо. Были некоторые срочные дела. Но все же впервые за много лет – отдых.

Первые дни были убийственные – нервы совсем сдали, и даже я хотел бросить Сестрорецк. Но не проявил этой душевной слабости – понял, что ухудшение временное – реакция.

Выдержу характер и месяц проведу на даче. Были холода, но я их не заметил – слишком неважно было мое состояние.

Да и сейчас еще в голове хаос. Этим объясняется мое путаное письмецо. В общем, буду отдыхать числа до 10 июня.

Напишу Вам через недельку.

А если Вы захотите написать, то напишите по моему ленингр<адскому> адресу. Мне передадут письмо.

Надеюсь, что у Вас все хорошо?
Будьте здоровы. Целую Вас.

Мих. Зощенко

22/V 54

5

<5 июня 1954 г. Ленинград>¹

Верочка!

Я был в Ленинграде один день. Позвонил Вам в субботу утром – Вас не было. На дворе солнце – и Вы, конечно, не усидели дома.

Еду и я в Сестрорецк, но через три дня вернусь.

Буду Вам звонить в среду 9^{то} в 7 вечера.

Надеюсь, что увидаю Вас в этот день.

Настроение у меня не из важных, но здоровье не плохое. Целую Вас.

Ваш М. Зощенко

5/VI

¹ Письмо датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

6

<4 июля 1954 г., Ленинград>

Верочка, докладываю Вам, что дела мои, в общем счете, удовлетворительные – в газетах тихо, криков и брани нет и никаких дисциплинарных взысканий не последовало.¹ И даже вообще сейчас взят иной тон ко всей литературе – более мягкий и товарищеский. Так что мое дело, видимо, смягчило многие жестокие сердца.

Не знаю, что будет дальше, но пока это так. И я по этой причине, не скажу – доволен, но не огорчаюсь более о том, что случилось.

Но история вся мне обошлась дорого – чувствую себя физически хуже, чем весной. За отдых все еще не взялся. Пружина, которая была мной так крепко закручена <,> – только сейчас раскрутилась. И я если и не в жалком состоянии, то во всяком случае в том состоянии, которое бывает после тяжких болезней, вроде сыпного тифа.

Надеюсь, что эти дни отлежусь в Сестрорецке. Пока дела (и моя взвинченность) задержали меня в городе. Но с 5 по 16 я проведу на даче.

Не знаю еще <,> отразится ли мой скандал на моих журнальных делах. Возможно, что нет, так как имеются хорошие признаки. Например, на эстраде была заминка с моими вещами. Было запретили их исполнять, но дня через три снова разрешили.² Это и дает надежду, что и в журналах дело обойдется. Но, конечно, не исключена возможность перестраховок и карантина.

Я же привык к таким делам и горя от этого испытывать не стану.

Как-то Вы проводите свой отдых? Не совсем представляю себе Вас в полной бездеятельности. Уж наверно тогда не выходите из меланхолии, к чему Вы, увы, подвержены более <,> чем я.

Очень хотел бы Вас повидать. И мне приятно думать, что мы снова, как и прежде, будем встречаться, и я буду Вам жаловаться на свои горести. А у Вас будет скорбное и строгое лицо – в ответ на мое бормотанье о моих незадачах.

Прощайте, Верочка! Я приеду в Ленинград в субботу 17. А утром в воскресенье 18ого буду Вам звонить (с 11–12 дня). Но ежели почему-либо Вас не будет 18ого, то в следующее воскресенье (25ого). В субботу и по воскресеньям мне неприятно бывать на даче – много народу, суета. И поэтому я буду в эти дни бывать в городе.

Крепко Вас целую и от души желаю спокойного отдыха.

Ваш Михаил

4 июля

¹ Письмо написано в период жесточайшей травли писателя в печати, на радио и в писательской среде (июнь – начало сентября) после его встречи 5 мая с английскими студентами, на которой, отвечая на заданный вопрос, Зошенко высказал свое несогласие с обвинениями по своему адресу в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 г.

² О сценических историях театральных миниатюр Зошенко того времени см. воспоминания Марии Мироновой и Аркадия Райкина в кн.: Воспоминания о Михаиле Зошенко. СПб., 1995. С. 332–337, 530–535.

7

<21 сент. 1954 г. Сестрорецк¹>

Верочка!

Я несколько задержался в Сестрорецке. Отлеживаюсь там. Однако здоровье мое не возвращается пудами. Впрочем <,> с едой много лучше. И по этой уже причине надежды мои на лучшие дни увеличиваются.

Приеду в воскресенье 26. Если позже 7, то буду звонить Вам в понедельник 27, утром.

Издали чувствую, что Вам что-то не по себе и настроение у Вас нехорошее. Очень грустно, ежели это так.

Ваш Мих

21 сент.

¹ Датируется по надписи на передаточном конверте.

8

<8 дек. 1954 г. Сочи>¹

Верочка, пишу тебе кратко, ибо (как ни странно) болен, лежу.

Здесь <,> в Сочи <,> чудесно – тепло, солнце, зелень. Все без пальто.

Санаторий отличный.² Комната у меня более чем роскошная. С балконом в мавританском стиле. Забота усиленная. Но здоровье мое оказалось в плачевном состоянии. Плохое сердце, перебои, истощение ужасное. И что самое странное <-> врачи нашли у меня плохие легкие. Вот уж этим я никогда не болел! Вероятно <,> это результат моего плохого питания. Во всяком случае к вечеру у меня 37,3. Это грустно. Не хватает мне еще чахотки! Ну да я думаю <,> до этого не дойдет. Тут ем хорошо – отвращения к еде нет. И я рассчитываю несколько пополнить мой жалкий вес.

Но вот сумею ли досидеть тут до конца месяца – это трудно. Работать не могу, а без работы тоскливо. Возможно, что уеду несколько раньше.

Извини <,> что пишу карандашом и не так разборчиво – лежу.

Кажется <,> зря я поехал на юг. В моем чертовском состоянии нельзя было резко менять режим. Знал это. Я на путевку польстился. И <,> кажется <,> на этом пострадал. Хочу прибавить хотя бы 2 кило. И тогда с этим уеду.

Целую тебя <,> Веруша.

Михаил

Уныния большого нет, что болен.

Поправлюсь.

8 дек 54 г.³

¹ Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

² В декабре 1954 г. Зошенко получил бесплатную путевку в Сочи для лечения в санатории им. С. Орджоникидзе.

³ Приписка также карандашом на л. 22 об.: «Письмецо твое от 1 получил – оно шло 5 дней. Спасибо».

9

<13 дек. 1954 г. Сочи.>¹

Верочка, мне несколько лучше. Температура прекратилась <,> и чувствую себя много бодрей.

Врачи говорят, что первую неделю угрозы надо мной были большие – уж слишком сильное оказалось истощение – малейшая инфекция могла повлечь самые бурные заболевания. Но, как говорится, бог милвал. Сейчас уже произошел некоторый перелом – лучше ем, и гуляю, и даже выпиваю 2 рюмки вина.

Заботу здесь проявляют удивительную. С утра до вечера расспрашивают – что бы мне хотелось съесть. И что бы ни сказал – приносят!

На счастье мое – дивная погода, все время солнце, совсем тепло. И все (даже я) ходят без пальто.

Но все же здесь мне скучно и тоскливо. Подсчитываю дни – сколько осталось до отъезда.

Ежели буду в очень хорошем состоянии, то на неделю заеду в Москву. Однако скорей всего вернусь прямым поездом в Ленинград. Это будет <,> вероятно <,> 3 января.

В общем осталось мне тут еще много – ½ месяца.

С каждым днем все более удивляюсь – как много зависит от еды – на что я никогда не обращал внимания.

Но теперь урок мне. Очень радуюсь<,> что не заболел чахоткой. А уж было 2–3 дня, когда я вдруг уверился в этом.

Будь здорова<,> Верочка. Целую тебя крепко. Не брани своего бравого солдата<,>

Михаил

13 дек.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

<19–20 дек. 1954 г. Сочи.>¹

Верочка! Вот уже третью неделю я в Сочи. Все как будто бы хорошо. Никаких сколько-нибудь серьезных болезней у меня не оказалось. После многих исследований (на что я пошел под натиском врачей) выяснилось, что все у меня в норме. И только один минус – физическое истощение. Но бороться с этим оказалось не так-то просто. До сих пор ел без охоты, с трудом. И чем больше натиск врачей, тем хуже. Так что сейчас врачи оставили меня в покое.

Ем я тут все же несколько лучше<,> чем дома. Так что есть некоторая надежда, что улучшение придет. Но вместе с тем ясно, что за один месяц мне не вернуть то, что разрушалось десятилетием.

Ну, черт с ним. Ежели прибавлю хотя бы ½ кило, то сочту хорошим результатом.

В Сочи и сейчас очень хорошо. Много солнца, совсем тепло. Но я хожу мало-ваго. Все больше лежу на балконе и поглядываю на тихое, безмятежное море.

На душе довольно тупо. Почти все время один. Интересов мало – поскольку тут люди целый день заняты едой. С удовольствием вычеркиваю дни из календаря, подсчитывая<,> сколько мне тут осталось томиться. В общем уеду с охотой.

Еще не решил<,> заеду ли в Москву. Но если и заеду, то на несколько дней.

Во всяком случае в первых числах января явлюсь перед Вашими светлыми очами.

Трудно, трудно снова стать молодым и веселым. Но это, я думаю, придет, когда начну работать.

Целую тебя, солнышко

Михаил

19 дек

Не исключена возможность, что я приеду несколько раньше, чем положено по сроку. Все же я тут томлюсь<,> и такое кислое состояние вряд ли мне идет на пользу.

Постараюсь, конечно, выдержать срок, но не уверен.

В общем, сюда более не пиши – что-то мне думается, что я уеду через недельку.

20/XII

Мих

За съездом не слежу² и газет почти не читаю. Надеюсь, что ты информируешь меня по всем пунктам, как выяснишь у наших друзей – Германа и Шварца.

М.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович

² Второй Всероссийский съезд советских писателей открылся 15 дек. 1954 г.

11

<24 дек. 1954 г. Сочи>¹

Верочка, на днях как будто бы еду. Видимо, сначала в Москву, так как прямой поезд (Сочи–Ленинград) будет ходить всего лишь раз в неделю. Это жаль. Сейчас мне в Москву не хочется. Все же здоровье не совсем то в порядке.

Вес прибавил, но всего на 1 кило и то без 100 грамм. Все же этим доволен, лицо стало немного круглей и посвежело. Так что косметический ремонт санаторией все же произвел.

Уезжаю из Сочи с охотой. Здесь мне все осточертело. И даже теплая погода более не привлекает.

Привет тебе, душенька моя Верочка.

Поздравляю с наступающим новым годом, от которого (для себя) я не жду ничего утешительного, так как выяснилось, что борьба за мое здоровье должна быть более упорной и длительной, нежели я ожидал.

24/ХП

Твой Михаил

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович

12

<29 июля 1955 или 1956.¹ Сестрорецк>

Верочка! Письмецо Ваше получил – спасибо<,> душенька. Пишу Вам несколько строк привета – так как к письменным занятиям имею сейчас некоторое отвращение.

Здоровье мое несколько лучше. Ем и сплю прилично. Дела мои тоже в общем хороши. Вокруг меня тихо – брани нет больше, наказаний не последовало, так что сложилось все хорошо и огорчения позади.

Почти все эти дни в Сестрорецке. Приеду в Ленинград 2ого на день–два. А потом 11го, как условились.

Не вздумайте подарки дарить. День рождения в моем преклонном возрасте – это огорчение, а не радость. И этот день надо оплакивать, не отмечая событие суетой.²

Позвоню Вам 11ого в 7. А то (если с поезда) и без звонка приду в 9.

Целую Вас, солнышко!

Мих

29/VII

¹ На передаточном конверте обозначено: 1955 или 1956?

² День рождения М. М. Зошенко – 28 июля (9 авг.).

13

<28 сент. 1955 г. Ленинград>¹

Верочка, твое (первое) письмецо пришло только на 7ой день. Так что регулярная переписка (с вопросами и ответами), видимо<,> исключается. Будем писать просто так – без ожидания ответа.

Очень порадовался, что ты нашла хорошую комнату. Но не пишешь – близко ли от моря? И видно ли оно из окна? (Вот уже первые вопросы!)

Однако по сводкам на Кавказе пасмурно. Как же ты без солнца? Надеюсь, что тучи ненадолго.

У нас в Ленинграде просто холодно и дожди. И я из простуды так и не вышел. Еще перед твоим отъездом прихворнул, а спустя несколько дней был самый вульгарный грипп, который меня порядочно измотал. Уж и так<->то я был неказист и худой, а тут и вовсе превратился в тень. Сейчас все не поправляюсь. И теперь мне задача – подправить свое худое тело. А то и работать будет трудно. С работой же (как нарочно) все лучше и лучше обстоят дела. Даже непошедшие рассказы пойдут, но в сокращенном виде. И в другом журнале. В общем надо обдумать это дело. И не торопиться.

В общем же самочувствие, как и прежде, неудовлетворительное. И сам не знаю, что нужно сделать<,> чтоб улучшилось на душе.

Вот займусь лечением. И к твоему приезду буду совсем в отличном виде.

Целую тебя<,> Веруша.

Отдыхай получше.

Зима придет, вероятно, суровая

Твой Михаил

28/сент. 55.

Поздравляю с днем 30ого сентября!²

¹ Адрес на конверте: Пицунда (Кавказ), Гагринский район. До востребования Зенькович Вере Владимировне

² Поздравление с именинами.

14

<5 окт. 1955 г. Ленинград>¹

Верочка, на первое твое письмоцо я ответил тебе 29 сент<ября>. Надеюсь, что ты получила мое послание.

Сегодня (5ого) получил твое второе письмо. Очень порадовался, что ты всем довольна – и морем, и погодой, и комнатой. И даже едой и своими набросками.

Особенно хорошо то, что тебя кормят и тебе не приходится торчать у плиты. А то, небось, ты не ощутила бы перемены, уехав на Кавказ. Здоровье мое лучше – простуда закончилась. И я снова тихонько работаю – над переводом. А в большое литературное плавание пока не отправляюсь – нет охоты. А уже возможности имеются.

Но ем все же, как и прежде, плохо и мало. А поэтому такой же худой и заморенный.

Тебя не позабыл и нередко вспоминаю. Надеюсь, что в конце месяца приедешь.

Крепко тебя целую и желаю<,> чтоб солнце подольше светило для тебя.

Твой Михаил

5 ок 55

¹ Адрес на конверте: Гагринский район (Кавказ), п/о Пицунда. До востребования Зенькович Вере Владимировне

<12 июля 1956. Ленинград>¹

Верочка, сегодня приехал в город и нашел твое письмо. Оно шло 5 дней (учти).

Порадовался, что ты довольна и помещением и хозяйкой. А натура для работы найдется!

Дела мои складываются хорошо. Госиздат заключил со мной договор на книгу. Так что в этом смысле все благополучно. Но здоровье все еще слабовато. Скриплю и сплю не особенно. Затерял твой рецепт на валериану. И теперь надо идти в клинику за этим делом. Твой заказ (бирюза) – не простое дело! Не так-то легко отыскать, что тебя привлекает. Но еще попробую.

Завтра снова еду в Сестрорецк, где и пробуду недельку. Однако приходится все же работать, а не отдыхать. Но, может, это и к лучшему. А то, пожалуй, захандрю.

Вот, кажется, все, что у меня. В общем, хорошо или, точнее, – удовлетворительно.

А погода в Ленинграде несколько ухудшилась. Стало прохладно и меньше солнца.

Но от этого я не чувствую огорчения, хотя вокруг люди жалуются.

Дорогая Верушенька, отдыхай получше. Впрочем, ты это, кажется, умеешь делать и без посторонних советов.

Целую тебя крепко. И ожидаю в августе.

Еще буду писать.

Твой Михаил

12/VII 56

¹ Адрес на конверте: Переславль-Залесский (Ярославской области), Левая набережная, 93 Лидии Петровне Шемановой для В. В. Зенькович

<1 сент. 1956 г. Ленинград>¹

Верочка, очень тебе позавидовал, что ты на море и там у вас солнце. В твоём письме очень уж чувствуется твое удовольствие от всех этих благ.

А у нас тут в Питере – так же плохо и мрачно, как все эти месяцы – холодно, дожди и ветер.

Кажется<,> я в ноябре уеду в Ялту, а то нет больше сил терпеть эту сырость.

Работу мою (по книгам) закончил. За перевод же не брался и, кажется, сумею отказаться.

Но отдыхать я не очень<->то мастер. Так что вряд ли мой отказ пойдет мне на пользу. Уже некоторая меланхолия преследует меня. Надо и в самом деле куда-нибудь поехать (как раньше говорили: «для разбития <так!> мыслей»).

В общем же все у меня складывается хорошо. За исключением еды и аппетита. Ну, как-нибудь!

Сердечный привет тебе и пожелание самого безоблачного отдыха.

Твой Михаил

1 сент. 56 г.

Сегодня у нас солнце, но
холодно – всего 10 градусов.

¹ Адрес на конверте: Абхазия, Гагринский район, Пицунда, Рыбколхоз. Сергею Сергеевичу Румянцеву для В. В. Зенькевич <так!>.

17

<19 июня 1957 г. Ленинград.>¹

Веруша! У меня все, как и прежде – без особых перемен.

У нас в Ленинграде после трехдневной жары (которую ты, кажется, застала в день отъезда) – снова было холодно и неприглядно. Сегодня как будто лучше, теплей, но солнца нет.

Так что ты, видимо, сильно выиграла, что отбыла с берегов Невы.

В Крыму, как слышу по радио, – 25°. А тут едва 15.

В Сестрорецке я мирно прожил неделю. Но несколько захандрил от однообразия и снова вернулся в Питер.

Впрочем<,> дней через пять вернусь в Сестрорецк, который мне жутко осточертел. Ведь каждый год (в течение 30 лет) я там!

А на юг остерегаюсь ехать. Побаиваюсь солнца, которое (как тебе известно) даже в декабре (в Сочи) доконало меня.

Печальная картина – неожиданно подошедшей старости!

Ем по-прежнему нехорошо, мало. Ожидаю, что ты приедешь и придумаешь мне какое-нибудь угощение.

Из ягод здесь у нас – черника (очень плохая), земляника – чуть не 40 рублей.

Обещают – бананы и апельсины к празднику.

Будь здорова, Верочка.

Надеюсь, что у тебя все хорошо и ты довольна путешествием.

Твой Михаил

19/VI 57

¹ Адрес на конверте: Крым (Феодос. район), Коктебель. Почтовое отд. До востребования Вере Владимировне Зенькович.

18

<25 июня 1957 г. Сестрорецк>¹

Верочка!

У меня все по-старому – без перемен, однообразно и скучновато.

Сiju в Сестрорецке, а иной раз для «разбития мыслей» приезжаю в город.

Погода не радует – мало солнца и холодновато – больше 18° не бывает.

Испытываю черную зависть, что ты на море и ходишь в Лягушачью бухту.

Напрасно я себя запугал югом. Надо было бы и мне побывать там. А то уж в Питере больно неприглядно.

Книга моя все еще не вышла. Да и вряд ли случится это событие. Однако деньги обещали заплатить (за один тираж), так как книга подписана к печати, стало быть<,> закон на моей стороне. Ну, черт с ними!¹

В общем, все не так уж плохо.

Когда соизволите приехать? Числа 15? Напиши об этом, чтоб я был к этому времени в городе.

25/VI 57

Твой Михаил³

¹ Адрес на конверте: Крым. Коктебель. Почтамт. До востребования. Вере Владимировне Зенькович

² Вероятно, речь идет о книге «Рассказы и фельетоны», которая вышла в свет в июне 1958 г. (М.: Художественная литература, 1958, тираж 30 000 экз.).

³ Надпись на л. 52 об.: «Мих. Мих. Зощенко умер в Ленинграде 22 июля 1958 года».

Библиографический список

1. Вера Владимировна Зенькович: Каталог выставки / вступ. ст. Б. Д. Суриса. Л.: Художник РСФСР, 1976.
2. Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб.: Художественная литература, 1995.
3. *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Лицо и маска Михаила Зощенко: сб. / сост. Ю. В. Томашевский. М.: Олимп – ППП (Проза. Поэзия. Публицистика), 1994.
5. Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. СПб., 1997–2002. Кн. 1–3.
6. *Шницарева Т. В.* Из воспоминаний о былом. (Вера Зенькович) // Творчество. 1988. № 3. С. 13–15.